

Анджей Вежбицки. Тема моего доклада имеет исторический характер.

Тема «Ксенофобия, этнофобия и расизм в польском историческом сознании по отношению к русским. Избранные проблемы». Сразу подчеркну, что, конечно, не вся польская мысль относится к русским, к России с позиции эмоционального отрицания. Есть, конечно, и другие точки зрения. Но я ими здесь не буду заниматься, поэтому хочу сразу подчеркнуть, что не вся польская мысль исторически этим исчерпывается. Но в течение достаточно длительного времени, особенно в XIX веке, восприятие России как чужого и также можно сказать – сильно чужого, преобладала.

Что касается определения понятий: понятие ксенофобия хорошо известно, понятие этнофобия указывает на отрицательное отношение к другим людям, которое имеет своим основанием этническое происхождение этих людей. Ксенофобия переходит в этнофобию, когда основой ксенофобии становится этническое происхождение.

Что касается теоретического аспекта: на рубеже XIX-XX веков подход к расовым отличиям между людьми был очень популярен - расовый подход стал критерием отношения к разным народам, народностям.

В XIX веке в мировой науке выделялись два подхода к расовым различиям. Первый можно обозначить как *гражданско-прогрессистский*. Сторонники этого подхода считали, что люди обладают одинаковыми способностями, и разница между людьми состоит только в уровне социально-экономического и культурного развития. Она является результатом либо культурного прогресса, либо цивилизационной отсталости. Таким образом, судьба людей определена при их рождении - она зависит от прогрессивности или отсталости цивилизационных обстоятельств. Это приводило к выводу, что расовые отличия имеют характер цивилизационных различий. Их можно уменьшить или даже избежать, если представители «низшей» (менее развитой) цивилизации будут присваивать ценности «высшей» (развитой) цивилизации.

Существует и другой подход, который можно назвать *этнически-натуралистическим*: раса рассматривается как функция биологии, и генетика определяет и формирует дальнейшую судьбу человека с момента его рождения. Генетика создает, таким образом, непреодолимые барьеры между народами, принадлежащими к разным расам.

На этом основании появилось так называемое расовое мышление на рубеже XIX-XX веков. И тогда создалась иерархия рас: на высшем уровне этой иерархии помещалась белая раса, которая ассоциировалась, конечно, с европейским империализмом и колониализмом. В каком-то смысле она включала также и Россию - по отношению к ее восточным и южным перифериям.

Что здесь важно для польско-российских отношениях? Я бы упомянул в этой связи одну из теорий завоевания, объясняющую, как возникло государство. Так, польский социолог Лудвик Гумплович считал, что государство возникает в результате борьбы рас. Теорию Гумпловича можно применить к польско-российским отношениям. Если следовать Гумпловичу, то Российская империя, особенно в ее западной части, возникла в результате завоевания Речи Посполитой. И поляки стали, таким образом, завоеванной расой, которая подчинялась Российской империи.

Но вплоть до второй половины XVIII века восприятие России в Польше было, можно сказать, нейтральным. Восприятие России как чужой, конечно, территории присутствовало, но в нем не было ненависти и страха. И, скорее всего, до середины XVIII века Россия - из-за своих климатических и природно-географических условий - ассоциировалась не с Востоком, а только с Севером.

Ситуация начала меняться, особенно во второй половине XVIII века, когда Россия, а также другие страны, соседние с Польшей, начали вмешиваться во внутренние дела Польши. И тогда, конечно, Россию начали

воспринимать как угрозу, поскольку в результате имперской экспансии возникли разделы Речи Посполитой в конце XVIII века.

Критерии, при помощи которых оценивались или воспринимались Россия, русские, - это этническое происхождение, культура или цивилизованность, в том числе также политическая культура, а также религия. Я постараюсь более подробно рассказать об этих критериях.

Происхождение. Если обобщить, каким в XIX веке было мнение ученых и публицистов, то Россию, конечно, они не помещали в Европе. Границы Европы, как пишут наши историки, тогда были начертаны вдоль Дона и Волги, то есть на территории Московского государства. Но Московское государство еще в XVII-XVIII веках не считалось Европой. Московское государство считалось Азией.

Более того, подвергалось сомнению славянское происхождение русских. Поляки же, напротив, представлялись как чисто славянское население. Напротив, русские воспринимались даже не как смесь славян с угро-финнами, а просто как азиатчина или угро-финны и т.д., и это оценивалось в отрицательном смысле. Историк, специалист по истории средних веков Центральной и Восточной Европы, Хенрык Пашкевич писал, например, что на основании фактов он пришел к выводу, что великороссы не были славянами, а были христианизированными угро-финнами.

Отношение к русским, восприятие русских выражалось в представлении о том, что в происхождении русских, россиян важную роль сыграл так называемый татарский компонент, и россияне ассоциировались со степью, где население вело кочевой образ жизни.

Ярким представителем течения, не признающего русских славянами, был этнограф и историк Франтишек Духински, который считал, что русские – это не русины, не славяне. Русины, с его точки зрения, – это Киевская Русь, Украина, Беларусь, а великороссы (в современном смысле, россияне) – не славяне.

Критерий культуры. Польский исследователь Хенрик Каменский ввел понятие «варвария». Он считал, что Россия – это варвария, а русские, россияне – это варвары. Варвария - это недостаток сознания, отсутствие образования и отсутствие способности отличать добро от зла. То есть черты, которые, считал Каменский, типичны для примитивных или первобытных народов. К ним Каменский причислял русских. При этом он считал, что надо снисходительно относиться к варварам, потому что они не способны отличать добро от зла. Следовательно, они не знают, что творят, или не знают, что делают. И поэтому, одновременно, возникало отношение, окрашенное чувством превосходства.

Далее. Варвария – это культурная пустота, отсутствие способности создать что-то новое в культуре и предложить другим народам. Это представление также появляется у лауреата Нобелевской премии по литературе (1980) Чеслава Милоша, который рассуждал о том, чем определяются неприязненные отношения между поляками и русскими, или россиянами. Милош говорит: не религией, не языком, не политикой. И приходит к выводу, что еще в XVII-XVIII, даже в XVI веках Россия, тогда еще «Москва», не смогла предложить ничего привлекательного польскому населению. Потому что все плоды культуры происходили либо с Запада, либо если с Востока, то из Турции. А Россия, - пишет Милош, - кроме военной мощи не смогла предложить ничего более привлекательного польскому населению, польскому обществу. Поэтому Россия, «Москва» считалась в культурном смысле пустой территорией, где нет ничего интересного и привлекательного для других народов, для других государств.

Один из польских авторов, считающийся классиком в исследованиях России и русских, историк и политический деятель Ян Кухажевски, причислил русских ко «второй категории рас»: представители этой группы могут осваивать чужую культуру, но они не способны создавать свое, новое.

По Кухажевски, Россия, русские – это носители культуры, но не ее создатели. Они не могут создать для нас ничего привлекательного.

Что касается политической культуры и религии. В смысле политической культуры Россия всегда считалась антитезисом Польши. У поляков - демократия, даже и шляхетская, дворянская, но все-таки демократия. В Польше народ, в смысле шляхта принимает решения по поводу государственных дел. Напротив, в России есть деспот-тиран, и люди живут как рабы великого господина, и поэтому они рождаются рабами, которые должны подчиняться своему государю.

Конечно, есть также религиозный компонент, где, конечно, истинное христианство отождествлялось с римско-католической верой, а православие воспринималось как менее духовное отношение к религии, как театральное представление: все себя чувствуют, как в театре - кланяются иконам, но никто ничего не понимает.

В заключение, хочу подчеркнуть, что подчеркнуто эмоционально отрицательный подход к России, к русским не мешал, многим полякам с конца XVIII века до начала Первой мировой войны пребывать в самом Санкт-Петербурге - и отнюдь не в качестве политических узников, но в качестве людей, которые успешно делали карьеру. Историк Януш Тазбир подсчитал, что в Санкт-Петербурге с конца XVIII века до Первой мировой войны проживало в разное время и в разные периоды около четверти миллиона поляков. Значит, не всем полякам так уж плохо жилось в России...

Два современных наблюдения. Вчера в самолете в Москву я обратил внимание на группу польских сотрудников, как я понял, спортивного клуба. Они, конечно, сходили в Дьюти фри, и когда самолет взлетел, набрал нужную высоту, они захотели попробовать то, что купили. Им, конечно, не разрешили. И один пассажир прокомментировал: вот пример братства народов – поляки ведут себя так же, как русские.

Второй пример. В Интернете я нашел интересное замечание. Один из пользователей Интернета пишет: если поляк посидит с русским вечером, то на второй день у него, возможно, будет только болеть голова. Но если он посидит вечером с представителями другой нации, то он вообще может проснуться без головы. Какую нацию он имел в виду – я не буду называть... С одной стороны, безусловно, существуют исторически сформировавшиеся стереотипы негативного восприятия России и русских, а, с другой стороны, отношение к современной России и современным русским не исчерпываются этими стереотипами. Оно гораздо разнообразнее среди рядовых граждан Польши.

Н.П. Космарская. Третий доклад - единственный, который будет на английском языке - о различном восприятии границ и разных смыслах, которые вкладывают люди в приграничных регионах в само понятие границы. На примере российско-финской границы в регионе Финляндии, который называется Северная Карелия, граничащая с российской Карелией.